

УДК 811.161

**РОЛЬ ДИСКУРСИВНОЙ ЛЕКСИКИ
В СОЗДАНИИ ГАРМОНИЧНОГО ДИАЛОГА
(на примере контактоустанавливающих средств
русского, английского и татарского языков)**

Л.К. Халитова

Аннотация

В статье рассматривается функционирование контактоустанавливающих частиц русского языка, дается сопоставление их английских и татарских переводов, подчеркивается их роль в организации гармоничного диалога. Показано, что культурно-прагматические установки носителей этих разнотипных языков оказывают непосредственное влияние на актуализацию тех или иных семантических компонентов исследуемой дискурсивной лексики.

Ключевые слова: дискурсивная лексика, контактоустанавливающие частицы, разделенный вопрос, гармоничный диалог, общение.

В каждой культуре к числу наиболее важных норм общения относится взаимопонимание, а его невозможно достичь без диалога. Русский, английский и татарский диалог может стимулироваться специальными показателями связи, которые подчеркивают заинтересованность партнеров коммуникации в мнении друг друга, а также являются значимыми для характеристики национальной ментальности. К подобным показателям, как нам представляется, можно отнести дискурсивные слова, или дискурсивные маркеры (*discourse markers*), – синтаксически независимые слова и выражения, служащие для связи частей текста и показывающие отношения между сегментами дискурса [1, р. 36].

Характерной особенностью данного класса слов является их десемантизация в дискурсивном употреблении, где они часто используются для усиления или подчеркивания тех или иных частей текста. При этом их значение является решающим для речевого взаимодействия: дискурсивные маркеры выражают отношение говорящего к адресату или ситуации общения, его предположения, намерения и эмоции [2, р. 341].

Класс дискурсивной лексики постоянно пополняется. В него входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, междометия, наречия, частицы, а также некоторые выражения. Как отмечает А.Д. Шмелев, «дискурсивные слова, особенно в русском языке, обладают повышенной лингвоспецифичностью и являются ключевыми для понимания некоторых особенностей русского видения мира» [3, с. 438]. Общей чертой исследуемой лексики является ее непосредственное участие в организации дискурса.

Настоящая работа посвящена изучению коммуникативно-прагматических, культурологических и семантических особенностей конструкций с русскими контактоустанавливающими частицами (*не правда ли, правда, не так ли, так (ведь)* и др.) и их сопоставлению с английскими и татарскими эквивалентами. В силу дискурсивной природы частиц их невозможно рассматривать вне контекста, так как только в предложении актуализируется тот или иной семантический и эмоционально-экспрессивный оттенок. Сложность и востребованность изучения и сопоставления дискурсивной лексики в разносистемных языках с учетом контекста определяет актуальность данного исследования.

Частицы рассматриваются нами как специальные маркеры, призывающие к продолжению диалога. Они не только отражают процесс взаимодействия говорящих, но и направляют процесс общения. Каждый коммуникант привносит в диалог свою позицию, которая может не совпадать с позицией другого; насколько эффективно и безболезненно будет проходить общение, зависит от личностных установок, культуры, темперамента участников диалога. Таким образом, именно в диалоге раскрываются социальные, психологические и языковые установки и реализуются речевые стратегии и тактики собеседников.

Учитывая особенности коммуникативного взаимодействия партнеров, лингвисты (Н.Д. Арутюнова, Т.Г. Винокур, Е.А. Земская, А.Д. Шмелев и др.) высказывают мнение о необходимости противопоставления диалога гармоничного, построенного с соблюдением правил эффективного речевого взаимодействия (это *диалог-унисон*), и диалога дисгармоничного, конфликтного, с нарушением правил эффективного речевого взаимодействия (это *диалог-диссонанс*).

1. *Диалог-унисон* предполагает: а) согласованность стратегий и тактик коммуникантов; б) приемлемую тональность общения; в) заинтересованность в предмете обсуждения; г) адекватное воплощение коммуникативных установок; д) достижение полного или частичного взаимопонимания.

2. *Диалог-диссонанс* возникает при наличии хотя бы одной из нижеперечисленных коммуникативно-негативных характеристик: а) несогласованность речевых стратегий и тактик; б) неприемлемость тональности речи; в) отсутствие заинтересованности в предмете обсуждения; г) выражение негативных установок; д) отсутствие эффективного результата речевого акта.

Для большинства носителей русского языка предпочтительным вариантом речевого поведения является «поиск общего языка» [4, с. 60] и связанное с ним гармоничное общение, направленное на достижение взаимопонимания, что требует от собеседников психологических и речевых усилий. Необходимо отметить, что совпадение мнений собеседников не является обязательным условием гармоничного диалога. Участники коммуникативного акта могут спорить друг с другом, высказывая различные точки зрения, но, если полемика носит корректный характер и результатом является частичное взаимопонимание, диалог считается гармоничным.

Значимую позицию в диалоге занимает адресат, поскольку он «волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, пойти на уступку или перейти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [5, с. 661]. Но для достижения гармоничного диалога требуются определенные усилия со стороны как говорящего, так и слушающего, и немаловажное

значение имеют лексические средства, способные повлиять на эффективность результата речевого акта. Эти коммуникативные единицы, ориентированные на выражение модуса в реплике-реакции, отражают реакцию говорящего на слова собеседника или на ситуацию в целом, а следовательно, являются дискурсивными маркерами. В отечественной литературе они имеют следующие обозначения: коммуникативы, релятивы, сентенсоиды, фразоиды, слова-предложения и др. Это непредикативные единицы, состоящие из неполнозначных или десемантизованных полнозначных компонентов, например: *да; конечно; разумеется; нет; да нет; неужели* и т. д. Широкая трактовка понятия «реакция» позволяет отнести к дискурсивной лексике не только реплику-реакцию, но и реакцию говорящего на свое собственное высказывание, и даже реакцию на всю ситуацию в целом.

Коммуникативы, являясь выражением связи и передавая различные модусные значения, выполняют в диалоге определенные регулятивные функции, такие как поддержание разговора, активизация собеседника, реализация этикетных задач, выражение согласия. Кроме того, они способствуют выражению личного отношения, демонстрации внимания и одобрения, смягчению собственного высказывания и т. д. Они ориентированы на согласование коммуникативных стратегий и тактик собеседников и тем самым на обеспечение гармоничного диалога. Особенно это касается показателей согласия (*да; конечно; разумеется; безусловно*) и сигналов членения или сигналов речи, выражающих контактную функцию [6, с. 17]: *Не правда ли? Не так ли? (Не) так, что ли? Да? А?* и некоторых других. Так, среди русских вопросительных частиц в отдельную группу выделяются так называемые «контактоустанавливающие частицы»: *правда, не так ли, ведь так, да, а* и др. Подробный анализ данных частиц представлен в работах А.Ю. Чернышевой, где кроме контактной функции выделяется вторичная метатекстовая функция, содержащая призыв к согласию, который культурно специфичен. Целью данных выражений, считает исследователь, является обеспечение гармоничного диалога, предполагающего согласованность стратегий и тактик партнеров коммуникации [7, с. 223].

Чтобы осознать важность функционирования данной дискурсивной лексики в русском диалоге, необходимо понять, что значит общение для русских. В русской культуре бытует такой языковой стереотип, как «разговор по душам»: он касается как самого процесса общения, так и его характера. Говоря об общении русских людей, А.А. Зализняк предлагает обратиться к самому слову *общение* (*общаться*) и выделить две особенности, отличающие его от переводных эквивалентов (например, англ. *communication, contact*). Первая особенность заключается в том, что *общение* несет в себе идею очень неформального взаимодействия, «человеческого тепла», вторая – в том, что *общение* в современном русском языке имеет референцию к конкретному процессу. «*Общаться* по-русски, – отмечает А.А. Зализняк, – значит приблизительно ‘разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта’». При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть «о главном» – речь может идти в том числе о пустяках, так как главное в общении – именно поддержание контакта, ощущение *общности*» [8, с. 280]. Кроме того, в русском

диалоге ценится желание человека сказать другим людям, «что он думает или чувствует» [9, с. 29].

Таким образом, выражение общей контактоустанавливающей функции – это приглашение к коммуникативному сотрудничеству. Полагаем, что русские контактоустанавливающие частицы (*не правда ли, так ведь*) организуют гармоничный диалог, выражая общее метатекстовое значение ‘я хочу, чтобы ты поддержал речевой контакт со мной’.

В лингвистической литературе данные показатели считаются семантическими аналогами английского расчлененного вопроса, который призывает к согласию, допуская возможность несогласия. Мы не отрицаем наличия в семантике русских частиц (*не правда ли, не так ли*) компонента несогласия говорящего с мнением собеседника. Полагаем, однако, что данный компонент не является для носителей русской культуры столь важным, как для носителей англо-американской культуры (то есть для культуры Великобритании и Америки). Данный компонент является потенциально возможным, но не актуальным. Все вышесказанное свидетельствует о том, что русские контактоустанавливающие частицы *не правда ли, так ведь, правда ведь, да* и другие прежде всего призывают к согласию, причем к согласию **искреннему**. Именно поэтому в русском языке среди контактоустанавливающих частиц, призывающих к согласию, столь частотны единицы без компонента *не*: *так ведь, правда, правда ведь*.

Английский расчлененный вопрос, так же как и общий вопрос, требует утвердительного или отрицательного ответа, то есть подтверждения или отрицания мысли, содержащейся в вопросе. Эти вопросы словно состоят из двух частей с разной полярностью. Первая часть представляет собой повествовательное предложение, которое может быть как утвердительным, так и отрицательным. Вторая часть содержит краткий общий вопрос, состоящий из вспомогательного или модального глагола в нужной форме и личного местоимения в именительном падеже. Если первая часть данного вопроса утвердительная, то вспомогательный или модальный глагол употребляется в отрицательной форме, а если первая часть отрицательная, то вспомогательный или модальный глагол употребляется в утвердительной форме, например: *You bought the book, **didn't** you?* (*Ты купил книгу, **не так ли?***).

В литературе, как правило, обращается внимание на важность интонационного оформления данных вопросов и подчеркивается прямая зависимость между интонацией и ожиданием адресанта. Если говорящий ожидает подтверждения высказанного им в вопросе предположения, то обе части вопроса произносятся с нисходящим тоном (↓), а если в его вопросе нет предположения о характере ответа, то вторая часть произносится с восходящим тоном (↑). Отмечается также, что расчлененный вопрос с повышающейся интонацией употребляется при выражении просьбы. Приведем несколько примеров интонационного оформления такого рода вопросов:

- 1) *Tom doesn't look very well today (↓), **does he?** (↓) – No, he looks awful.*
*Том выглядит сегодня не очень, **не правда ли?** – Да, он выглядит ужасно.*
- 2) *You haven't seen Ann today, **have you?** (↑) – No, I'm afraid not.*
*Ты **ведь** не видел сегодня Анну? – Нет, боюсь, что не видел.*
- 3) *You haven't got a cigarette, **have you?** (↑) – Yes, here you are.*

У вас не будет сигареты, а? – Да, возьмите.

Так, в примере (1) говорящий ожидает подтверждения высказанного им в вопросе предположения, в примере (2) у говорящего нет предположения о характере ответа, а в примере (3) содержится просьба.

Следует отметить, что значение расчлененного вопроса во многих английских грамматиках описывается без учета интонационных особенностей. Говорящий, употребляя расчлененный вопрос, думает: I (the speaker) use a tag question because I expect you (the listener) to agree with me. I give my idea while asking a question at the same time. ('Я использую расчлененный вопрос, потому что я жду, что ты согласишься со мной. Я произношу вопрос и одновременно высказываю свою мысль' (перевод наш. – Л.Х.)). Таким образом, если говорящий задает вопрос *You know Bob Wilson, don't you?* (*Ты знаешь Боба Уилсона, не так ли?*), то ожидаемым является ответ *Yes, I do*. В случае если он не ждет определенного ответа (а именно согласия с мыслью, выраженной в первой части вопроса) и просто нуждается в информации, то он использует общий вопрос (yes/no question): *Do you know Bob Wilson?* (*Ты знаешь Боба Уилсона?*). В таком случае ответ может быть как утвердительным, так и отрицательным: *Yes, I do / No, I don't*.

Ученые считают, что английский расчлененный вопрос отражает свойственное европейской культуре стремление к созданию гармоничного диалога, в котором призыв к согласию сочетается с допуском несогласия. По свидетельству А. Вежбицкой, «в английской культуре принято, чтобы говорящие произносили *“Well, no”*, где *well* сигнализирует то, что ответ только частично обоснован: “еще есть, что сказать”» [10, с. 124]. Считается, что в контексте несогласия такой ответ производит смягчающий эффект.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что английский расчлененный вопрос может быть 1) собственно вопросом, требующим ответа «да» или «нет», а также 2) вопросом, побуждающим к согласию, но допускающим несогласие, при этом его синтаксические функции уходят на второй план. Именно во втором значении английский расчлененный вопрос является эквивалентом русских контактоустанавливающих частиц (*не правда ли, правда, не так ли, так ведь* и др.). Так, формально оставаясь синтаксическим средством, он фактически выполняет функции дискурсивного маркера. Поскольку носителями английского языка человек рассматривается как автономная личность, то независимое мышление и в то же время проявление уважения к мнению собеседника ценятся крайне высоко. Это и объясняет высокую частотность использования расчлененных вопросов в речи носителей английского языка.

Как было отмечено, семантика английского расчлененного вопроса точнее всех других языковых конструкций передает свойственную русским контактоустанавливающим частицам модусно-оценочную окраску – призыв к согласию. Вместе с тем русские конструкции с данными частицами и их английский перевод не являются абсолютно идентичными: в семантике русских контактоустанавливающих частиц не актуализирован семантический компонент возможности несогласия, даже в частицах, содержащих отрицательную частицу *не* (*не правда ли*).

Приведем примеры, отражающие идентичность английского расчлененного вопроса и русских предложений с контактоустанавливающими частицами, то есть свойственное им побуждение к согласию.

– Михаил Александрович, – негромко обратился Воланд к голове, и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза. – Все сбылось, **не правда ли?** – продолжал Воланд, глядя в глаза головы, – голова отрезана женщиной, заседание не состоялось, и живу я в вашей квартире. Это – факт. А факт – самая упрямая в мире вещь (Б.);

“Mikhail Alexandrovich,” said Woland quietly to the head, at which its eyelids opened. With a shudder Margarita saw that the eyes in that dead face were alive, fully conscious and tortured with pain. “It all came true, **didn’t it?**” said Woland, staring at the eyes of the head. “Your head was cut off by a woman, the meeting didn’t take place and I am living in your flat. That is a fact. And a fact is the most obdurate thing in the world” (B.).

– Вы скоро совсем отупеете, мой бедный друг. Какой же это Закавказпромторг? Это люди, слышите, Куса, вы-и-гра-ли пятьдесят тысяч рублей! Вы сами видите, Кисуля, как они веселы и сколько они накупили всякой механической дряни! Когда мы получим наши деньги, мы истратим их гораздо рациональнее. **Не правда ли?**

И друзья, мечтая о том, что они купят, когда станут богачами, вышли из Пассанаура (И.П.);

“You’ll soon be completely dotty, my poor friend. How could it be the Transcaucasian car service? Those people have won fifty thousand roubles, Pussy. You saw yourself how happy they were and how much of that mechanical junk they had bought. When we find our money, we’ll spend it more sensibly, **won’t we?**”

And imagining what they would buy when they became rich, the friends left Passanaur (I.P.).

Полагаем, что русские контактоустанавливающие частицы без отрицательной частицы выражают собственно призыв к согласию, осложненный различными прагматическими нюансами. Так, в следующем примере говорящий, используя частицу *правда*, ожидает подтверждения высказанного предположения, призывает адресата к согласию и в то же время к тому, чтобы адресат разделил с ним его радость, его восторженные чувства и вступил с ним в контакт:

Он поминутно целовал королеве руки, восторгался ее скромным туалетом, совал ей kota и заискивающе спрашивал:

– **Правда**, он похож на попугая? Лев! Лев! Настоящий лев! Скажите, он действительно пушист до чрезвычайности?.. А хвост! Хвост! Скажите, это действительно большой хвост? Ах! (И.П.);

He kept kissing her hands, admiring her modest attire, pushing the cat into her lap, and asking, fawningly:

“He’s just like a parrot, **isn’t he?** A lion. A real lion. Tell me, isn’t he extraordinarily fluffy? And his tail. It really is a huge tail, isn’t it?” (I.P.).

Сказанное о значении русских контактоустанавливающих частиц *не правда ли*, так ведь (а именно о том, что они призывают к **искреннему согласию**) в любом их использовании – изолированном или в составе предложения – означает, что в случае несогласия адресат может открыто высказать свою точку зрения, то есть сказать: «Нет, я так не думаю». Действительно, ответы на призывы типа *Не правда ли? Так ведь?* могут быть как положительными (*да*), так и отрицательными (*нет*):

– А в Москве представился командировочным. **Так ведь?**

– **Так**, – подтверждаю я (Ад.);

Воланд заговорил:

– Какой интересный город, **не правда ли?**

Аззелло шевельнулся и ответил почтительно:

– Мессир, мне больше нравится Рим! (Б.);

– Но... в чем же, по-вашему, я не договариваю? – растерянно спрашивает Виктор Арсентьевич.

– По крайней мере, в двух пунктах, – отвечаю я. – Первый – насчет Льва Игнатьевича. Мне все же кажется, что вы его знаете. Просто вы боитесь второго пятнышка. **Так ведь, согласитесь?**

Я его уговариваю, как заупрямившегося мальчишку, и он, именно как заупрямившийся мальчишка, капризным тоном возражает:

– Нет, не так. Я его действительно не знаю (Ад.).

Вместе с тем ответы чаще содержат вербальное или молчаливое согласие. Это согласуется с мнением Н.Д. Арутюновой, которая полагает: «В рамках межличностной праздноречевой деятельности наиболее желательна для говорящего реакция, отвечающая условию согласия (единомыслия и «единочувствия»). Адресат должен принять приглашение к сопереживанию. Ожидается, что он, так или иначе, выразит свое со-чувствие (со-радость, со-восхищение, со-возмущение и т. п.)» [5, с. 63], например:

Остап приблизился к пожирателям шашлыка и элегантнейшим образом раскланялся с Персицким.

– Бонжур! – сказал репортер. – Где это я вас видел, дорогой товарищ? А-а-а? Припоминаю. Художник со «Скрябина»! **Не так ли?**

Остап прижал руку к сердцу и учтиво поклонился (И.П.).

В татарском языке существуют свои показатели вопроса. Постпозитивные частицы *-мы/-ме* и *-мыни/-мени* являются основным средством образования вопросительных форм. Относясь к отдельному слову или целому предложению, они могут выражать такие эмоциональные и модальные оттенки, как возмущение, осуждение, упрек.

Опираясь на работу Ф.С. Сафиуллиной, отметим особенности функционирования татарских вопросительных частиц. Так, частица *-мы/-ме* в своей первичной функции является нейтральной и служит для формирования вопросительности, не предполагающей характера ответа: *Син өлгерәсеңме?* (Ты успеваешь?). Данная частица может оформлять следующие виды вопросов: 1) вопрос с функцией предположительности (ответ на него может быть как утвердительным, так и отрицательным, что не противоречит принципам успешного диалога); 2) вопрос, являющийся удостоверительным, который выражает большую степень уверенности говорящего в получении подтверждения его высказывания; 3) повторный вопрос, который задается повторно самим спрашивающим; 4) переспрос, целью которого является получение дополнительной информации [11, с. 38].

Другая частица, *-мыни/-мени*, образованная из частицы *-мы/-ме* и частицы *ни*, ослабляет вопрос и вносит значение удивления и недоумения. Часто в словарях и справочниках ее переводят русскими частицами *разве*, *неужели*, например: *Сезгә юлда бернәрсә дә әйтмәделәрмени?* (Разве в пути вам ничего не сказали?).

Для усиления экспрессии могут добавляться модальные частицы *алла* (*разве, может быть*), *инде* (*уж*), *соң* (*же*) и др.

Таким образом, можно заключить, что лексико-грамматическое значение татарских частиц *-мы/-ме*, *-мыни/-мени* в основном вопросительное, граничащее с предположительностью.

Использование вопросительных частиц *-мы/-ме*, *-мыни/-мени* является одним из вариантов перевода русских контактоустанавливающих частиц на татарский язык. В приведенном ниже примере частица *так* выражает национально-специфичный призыв к согласию. В татарском варианте данная семантика «не прочитывается», частица *-ме* лишь усиливает вопрос.

– *Я в прошлом месяце на сто тридцать процентов нарядов назакрывал... так? Вон Андрей не даст соврать...* (Ш.);

– *Мин үткән айда йоз дә утыз процентка нәрәд яптым... төшендеңме? Әнә Андрейдан сора, ул ялганларга ирек бирмәс...* (Ш.тат).

Прагматической установке русских контактоустанавливающих частиц близка прагматика татарских частиц *-мы/-ме*, *-мыни/-мени*, также выражающих искреннюю заинтересованность говорящих в ведении разговора по душам. В татарской культуре, как известно, делается акцент на том, что человек – это часть общества, а потому должен считаться с мнением окружающих, не противопоставлять себя коллективу. Тем не менее это не исключает его права иметь свою точку зрения и прилагать все усилия к тому, чтобы быть понятым.

Анализ русско-татарских переводов художественной литературы показал, что на татарский язык предложения с русскими контактоустанавливающими частицами (*не правда ли, не так ли, правда, так ведь*) в большинстве случаев переводятся предложениями со следующими словами и сочетаниями, образованными путем калькирования: *әйе бит*, *әйеме* (*да ведь*: от тат. *әйе* ‘да’), *шулай бит*, *шулаймы* (*так ведь*: от тат. *шулай* ‘так’), *дәресме*, *дәрес бит*, *дәрес түгелме* (*правда, верно, не правда ли*: от тат. *дәрес* ‘правдивый’) (РТС). Рассмотрим примеры.

Татьяна. *Не помню... Может быть. В каждом городе есть жандармы, не правда ли?* Бобоедов. *О, еще бы! Обязательно в каждом!* (Г.);

Татьяна. *Хәтерләмим... Ихтимал. Һәр шәһәрдә жандармнар бар бит, дәрес түгелме?* Бобоедов. *О, булмыйча! Һәрбер шәһәрдә мәҗбүри рәвештә!* (Г.тат).

Потом еще раз поглядел на меня пристально и улыбнулся:

– *Надо иметь чувство юмора, – сказал он мне, и глаза у него стали веселые-веселые. – А ведь это смешная задача, правда? Ну! Засмейся!* (Д.);

Ул тагын бер тапкыр миңа текәлеп карап торды да елмаеп җибәрде:

– *Шаяруны аңлый белергә кирәк, – диде ул миңа. Аның күзләре шатлыктан ялтырый иде. – Бик кызык мәсьәлә бит бу, әйеме? Я! Көл инде, көл!* (Д.тат).

Данные слова и словосочетания не рассматриваются в татарском языке как собственно частицы, а в словарях они даются с пометой «идиоматические и фразеологические обороты». Однако, учитывая мнение ученых о том, что в условиях двуязычия татарский язык испытывает влияние русского языка [12, с. 275], и опираясь на исследованный материал, можно заключить, что они могут функционально сближаться с русскими контактоустанавливающими частицами (*не правда*

ли, так ведь). Для обозначения указанных выше татарских сочетаний мы предлагаем использовать термин «контактоустанавливающие лексемы».

Можно говорить о том, что контактоустанавливающие лексемы отражают следующие черты татарской культуры: 1) важными нормами общения у татар являются сотрудничество и соучастие; 2) поощряется открытое согласие и единодушие, так как человек является частью группы; 3) татарским нормам не свойствен сценарий самовозвышения, актуализирующий возможность несогласия в призывах к согласию.

Проведенное исследование позволяет сделать следующее обобщение: носители английского, русского и татарского языков заинтересованы в общении, продолжении контакта, при этом немаловажную роль играет дискурсивная лексика, побуждающая к продолжению диалога, причем диалога гармоничного: контактоустанавливающие частицы (*не правда ли, правда, не так ли, так ведь* и др.) в русском, расчлененный вопрос (*does he? is she?* и др.) в английском и контактоустанавливающие лексемы (*эйе бит, эйеме, шулай бит, шулаймы, дөресме, дөрес бит, дөрес түгелме* и др.) в татарском языке.

Вместе с тем между исследуемыми конструкциями существуют и различия, обусловленные различиями в культурах носителей данных языков. Если в английском расчлененном вопросе отражается право человека иметь свою точку зрения, то в семантике русских контактоустанавливающих частиц компонент возможности несогласия не актуализирован (даже в частицах, содержащих отрицательную частицу *не*), так как национальная и культурно-прагматическая установка русских иная: кроме стремления русских к общению для них характерно сопереживание, стремление все «пропустить» через себя, понять и дать искреннюю оценку. Семантическое сходство татарских контактоустанавливающих лексем и русских контактоустанавливающих частиц, позволяющее считать их эквивалентами, является следствием длительного взаимодействия двух культур и взаимовлияния в них норм общения и поведения.

Summary

L.K. Khalitova. Discourse Words and Cooperative Dialogue (on the Example of Contact-Making Means in Russian, English and Tatar).

The article deals with the functioning of Russian discourse words (contact-making particles) and is aimed at comparing their translations into English and Tatar. The role of the discourse words in the creation of cooperative dialogue and the dependence between cultural and pragmatic intentions of the native speakers and the actualization of certain semantic components of the words under examination are discussed.

Key words: discourse words, contact-making particles, tag question, cooperative dialogue, communication.

Источники

Б. – *Булгаков М.А.* Романы: Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. – М.: Современник, 1988. – 749 с.

- В. – *Bulgakov M.A.* The Master and Margarita. – URL: http://www.lib.ru/BULGAKOW/master97_engl.txt, свободный.
- И.П. – *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. – URL: <http://lib.ru/ILFPETROV/dwenadcatx.txt>, свободный.
- И.Р. – *If I., Petrov E.* Twelve Chairs. – URL: http://lib.ru/ILFPETROV/ilf_petrov_12_chairs_engl.txt, свободный.
- Ад. – *Адамов А.* Инспектор Лосев. На свободное место. – М.: ООО «Издательство «Олимп»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 204 с.
- Ш. – *Шукишин В.М.* Избранное. – Минск: Ураджай, 1984. – 383 с.
- Ш.тат – *Шукишин В.М.* Урак өсте: Хикәяләр / Русчадан Рим Шириязданов тәржемәсе. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. – 172 б.
- Г. – *Горький М.* Пьесы // М. Горький: собр. соч.: в 16 т. – М.: Правда, 1979. – Т. 15. – 368 с.
- Г.тат – *Горький М.* Пьесалар. – Казан: Татгосиздат, 1952. – 308 б.
- Д. – *Драгунский В.Ю.* Денискины рассказы. – М.: РОСМЭН, 2004. – 119 с.
- Д.тат – *Драгунский В.Ю.* Бәләкәй Денис хикәяләре / Кәүсәрия Котдусова тәржемәсе. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1975. – 240 б.
- РТС – Русско-татарский словарь / Э.М. Ахунзянов [и др.] / Под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Рус. яз., 1985. – 736 с.

Литература

1. *Schiffrin D.* Discourse markers. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – 318 p.
2. *Wierzbicka A.* Cross-cultural pragmatics. The semantics of human interaction. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.
3. *Шмелев А.Д.* Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 437–451.
4. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 171 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 872 с.
6. *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 5–43.
7. *Чернышева А.Ю.* Сигналы речи, выражающие контактную функцию в русском языке // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы междунар. науч. конф. – Волгоград, 2006. – С. 223–228.
8. *Зализняк А. А.* Заметки о словах: *общение, отношение, просьба, чувства, эмоции* // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–288.
9. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
10. *Вежбицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. – С. 112–132.
11. *Сафиуллина Ф.С.* Синтаксис татарской разговорной речи. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 353 с.

-
12. *Закиев М.З.* Татарская грамматика: в 3 т. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. – Т. 3: Синтаксис. – 488 с.

Поступила в редакцию
14.06.10

Халитова Лилия Камилевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: *lilia_khalitova@mail.ru*